

Маргарита Корзо

КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ НОРМ СЕКСУАЛЬНОЙ МОРАЛИ В ПОЛЬСКОЙ ДЕРЕВНЕ XVII—XVIII ВВ.

«Старшие должны не меньше следить за наказанием прелюбодеев, чем за наказанием других преступников в соответствии с законом божьим и человеческим. Однако же эту жестокую кару прелюбодеев право духовное и светское как бы умерило, ибо по праву духовному прелюбодеев или из собрания верующих исключают, или разводят. А в соответствии с правом городским, изгнанием, лишением прав гражданства (особенно тех, кто беднее); богатых же деньгами или другим наказанием по решению старших карают», — сетовал в 1559 г. известный польский систематизатор права Бартоломей Гроицкий¹, настаивая на возрождении древней и более суровой правовой нормы карать за супружескую неверность смертью. Хотя, вопреки тому, что писал Гроицкий, польские суды XVI в. не проявляли особой снисходительности к прелюбодеем (смертные приговоры, особенно в ситуациях, когда обе стороны состояли в законном браке, не были большой редкостью²), сочинения польского право-

веда в значительной степени способствовали ужесточению судебных приговоров по делам о сексуальных преступлениях не только городских, но и деревенских судов Речи Посполитой.

Усиление внимания к сексуальным преступлениям заметно и в других правовых системах XVI в. В Хелмском праве, например, которое использовалось в судебной практике на территории Королевской Пруссии и Вармии, а также в королевском ассессорском суде, на протяжении трех его ревизий 1566, 1580 и 1594 гг. заметен рост спецификации сексуальных преступлений. 3-я редакция начала выделять содомию и педерастию (последняя в качестве самостоятельного преступления в «Саксонском Зерцале» отсутствовала), проституцию (в том числе и мужскую) и связанное с ней сводничество³.

Аналогичные тенденции в определенной степени характеризовали и деревенские уставы, которые регулировали широкий спектр отношений внутри той локальной социальной общности, к которой они были обращены, а потому

¹ Groicki B. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego // Biblioteka dawnych polskich pisarzy-prawników. — Т. 1. — Warszawa, 1953. — S. 206. Свои опыты в области систематизации права Гроицкий опирал главным образом на нормы «Саксонского Зеркала» (Sachsenspiegel) и знаменитой «Каролины» (Constitutio Criminalis Carolina).

² Mikołajczyk M. O niektórych przestępstwach obyczajowych w prawie miejskim w Polsce XVI–XVIII wieku // Pracy naukowe Uniwersytetu łąskiego. — N 1445; Problemy prawa karnego. — N 20. — 1994. — S. 65.

³ Janicka D. Przestępstwa przeciwko obyczajności w trzech rewizjach prawa chełmińskiego z XVI wieku // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Prawo XXI. — Z. 223. — 1991. — S. 39–45.

могут рассматриваться в качестве нормативных документов⁴. По наблюдению Ст. Кутшебы и А. Манковского, самые ранние из сохранившихся уставов относятся ко второй половине XVI в. (Поморье ок. 1551 г.; регион Малой Польши — 1570 г.). Первые уставы были очень лаконичны и вписывались в деревенские судебные книги, но уже с XVII в. некоторые из них публикуются и используются в качестве образцов для подражания⁵. Почти всегда инициатором составления выступал землевладелец, что и фиксировалось во вступительной формулировке документа; в редких случаях устав мог начинаться со слов: «соседи совместно и единодушно согласились»⁶; соблюдать определенные религиозные предписания «сначала постановили соседи»⁷. Скорее всего, подобные формулировки не означали, что устав был продуктом коллективного творчества общины, но лишь то, что устав после зачитывания мог формально общиной утверждаться.

Уставы содержали предписание, чтобы данный документ зачитывался по два-четыре раза в году перед всей общиной (или, по крайней мере, на Рождество), и каждый домохозяин должен был

знать его содержание. Незнание установленных для деревни предписаний не освобождало от ответственности, подтверждение чему можно найти в деревенских судебных книгах⁸.

Как сами составители уставов аргументировали необходимость создания документов, которые бы регулировали отношения в деревенской общине? Наиболее распространенная интенция — это желание сохранить в деревне мир, согласие и порядок. Но не менее важна была и религиозная аргументация: «чтобы среди подданных страх Божий процветал, чтобы все, живя по-христиански, заповеди Божьи блюли»⁹; чтобы «не наносилось Богу ни малейшего оскорбления, за которым могла бы последовать справедливая месть Бога»¹⁰. Благополучие социального целого ставилось в зависимость от индивидуальных поступков каждого члена общины. В данном случае речь идет не о столь самоочевидных вещах, как, например, о неосторожном обращении с огнем, в результате чего могла сгореть вся деревня (и чему уставы уделяют громадное внимание); имеются в виду нравственные поступки отдельных общинников (в том числе интересующие нас нарушения норм сексуальной

⁴ Единым понятием «устав» в настоящем исследовании обозначаются достаточно разнообразные по своему характеру документы: собственно деревенские уставы (*ustawa*), ординации-предписания (*ordynacja*), вилкежи (*wilkierz*), а также те фрагменты хозяйственных инструкций землевладельцев и распоряжений (*dyspozycja*) местных судов, которые затрагивали интересующие нас сюжеты. Жанровые отличия источников (например, если ординации регулировали преимущественно повинности подданных, то уставы были для подданных главным источником внутреннего права) принципиального значения для данного исследования не имеют.

⁵ *Polskie ustawy wiejskie XV–XVIII w.* / Red. St. Kutrzeba, A. Mańkowski // *Archiwum Komisji Prawniczej*. — Т. XI. — Kraków, 1938. — С. XI.

⁶ *Wilkierz wsi Grabowca* // *Ibidem*. — С. 237.

⁷ *Wilkierz wsi Duliniewo* // *Ibidem*. — С. 322.

⁸ Например, *klucz Łącki 666 (1728)*: несколько общинников наказываются за чрезмерное курение табака, что противоречило уставу (в этом месте суд ссылается на несохранившийся текст), а так как он прилюдно зачитывался, то обвиняемые, по мнению суда, не могут быть оправданы (*Księgi sądowe wiejskie klucza Łąckiego*. — Т. 1–2. — Wrocław, 1962–1963). Далее все отсылки на деревенские судебные книги даются только с указанием местности, № записки и года в скобках.

⁹ *Klucz Strzeszycki 3921 (1702)* // *Księgi sądowe wiejskie*. Wyd. B. Ulanowski. — Т. 1. — Kraków, 1921.

¹⁰ *Instruktarz jaworowski, 1765* // *Polskie instruktarze ekonomiczne z końca XVII i z XVIII wieku*. Wyd. S. Pawlik. — Kraków, 1915. — Т. I. — С. 8.

морали), соблюдение установленных религиозных обычаев и практик: именно в этих сферах небрежение одного человека могло обернуться карой для всей деревни.

Уставы рассматривают не очень широкий спектр преступлений, связанных с нарушением норм сексуальной морали. Но анализ текстов свидетельствует о том, что со временем происходит большая детализация предписываемых уставом норм и наказаний за их нарушение¹¹. Например, уставы ключа Лонцкого от 1670 г. (№ 544) и 1702 г. (№ 599) рассматривают ситуацию, когда свободная женщина вступает в незаконную связь, от которой у нее рождается ребенок. Устав 1670 г. предусматривает наказание вожжами (число ударов не оговаривается), штраф 3 гроша и сидение в куле перед костелом 4 воскресенья. Существует угроза, что женщина будет изгнана из деревни, если она не исправится или не вступит в брак. Хозяину дома, где все это происходило, предписывается внести в костел 1 фунт воска. В документе, датированном 1702 г., присутствует большая спецификация видов наказаний (100 ударов, и 100 — за повторное преступление, за которым последует изгнание из деревни); расширяется и круг лиц, на которых это наказание распространяется, и включает хозяев дома, где внебрачная связь имела место.

Аналогичные тенденции заметны, если посмотреть, как менялись со временем санкции по отношению к другим видам сексуальных преступлений

и категориям лиц, в эти преступления вовлеченным. Например, женщины «легкого поведения» (следует сразу оговориться, что в большинстве случаев невозможно установить: идет ли речь о проститутке, получающей за связь какое-либо вознаграждение, или просто о женщинах, идущих на легкие связи; т. ж. не всегда ясно, идет ли речь о «своих», о деревенских, или о бродяжках): если устав Оливского монастыря 1616 г. ограничивается лаконичным запретом под угрозой 5 гривен штрафа вступать в контакт и принимать в доме «блудящих невест»¹², то устав Касины Большой 1670 г. уделяет этой теме гораздо больше внимания: «В деревне этой немало найдется как девок, так и женщин молодых и падших, которые не хотят ни замуж идти, ни в услужение, но живут, оскорбляя Бога и служа дурным примером людям; постановила община, чтобы такие женщины или замуж шли, или в услужение... [а если нет] — 6 локтей материи двору, 10 плетей». В противном случае община грозила им изгнанием из деревни¹³.

Если охарактеризовать общую динамику, то на протяжении XVII — в начале XVIII в. нарастает конкретизация и видов преступлений, и налагаемых наказаний; последние становятся более строгими. В начале XVII в. наказание за прелюбодеяние могло ограничиваться только штрафом (например, 10 гривен землевладельцу и 3 гривны солтысу деревни; за рождение внебрачного ребен-

¹¹ Польским исследователем Б. Барановским был высказан тезис о том, что за сексуальную мораль принялись в первую очередь в церковных и монастырских владениях (Baranowski B. *Sprawy obyczajowe w sądownictwie wiejskim w Polsce wieku XVII i XVIII*. — Łódź, 1955. — S.). Тезис этот не получает подтверждения в сохранившихся материалах судебных книг, а также почти сразу был поставлен под сомнение в польской историографии (Staszków M. *Przestępstwa przeciwko kościołowi i religii w księgach sądowych wiejskich // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Wrocławskiego. Prawo III*. — T. 10. — 1958. — S.).

¹² *Polskie ustawy wiejskie*. — S. 69.

¹³ *Kasina Wielka 3390 (1670) // Księgi sądowe wiejskie*. — T. 1.

ка — 2 гривны солтысу)¹⁴. Со временем начинают преобладать комбинированные наказания: штраф дополняется поркой и церковным наказанием.

Телесные наказания (главным образом порка) первоначально также просто декларировались, без определения конкретного числа ударов и орудия наказания¹⁵; со временем эти наказания детализируются: 10 ударов полагалось за внебрачную связь в Касине Большой (3390 (1670)); незамужняя женщина, родившая ребенка получала по уставу Лонцкого ключа (599 (1702)) 100 ударов, столько же и ее партнер; за аналогичное преступление в соседнем ключе — Язовском — женщина получала 100 розог, а мужчина — 60 вожжей (110 (1738)).

Повторное прелюбодеяние (а также и блуд) однозначно наказывались изгнанием женщины из деревни¹⁶. Случаи кровосмешения как отдельная категория сексуальных преступлений в уставах не оговариваются (хотя, как будет показано ниже, данные случаи не были редкостью в деревнях и судами рассматривались); тем более не рассматриваются и отдельные его разновидности. Примечательное исключение составляет ординация Ф. Острожской, составленная для ее владений под Перемышлем, где в первом же пункте раздела, посвященном интересую-

щей нас проблематике, рассматриваются случаи сексуальных отношений хозяина дома со снохой. При наличии веских доказательств и с санкции землевладельца это преступление каралось смертью. Материал источника не позволяет объяснить, был ли в устав включен произвольно выбранный случай, или этот пункт можно рассматривать как борьбу с пережитками института снохачества.

Переходя к рассмотрению практики деревенских судов, попытаемся, помимо прочего, ответить на вопрос, насколько ужесточение санкций за нарушение норм сексуальной морали в правовых памятниках и уставах влияло на ужесточение выносимых судом приговоров.

В Польше дела о нарушении норм сексуальной морали исторически находились в компетенции не только церковных, но и светских судов; впоследствии они целиком перешли в ведение последних¹⁷. Полномочия городских и деревенских судов по этим преступлениям практически совпадали, за тем лишь исключением, что только городские суды обладали «правом меча» — приводили в исполнение смертные приговоры, а также рассматривали дела о содомии, виновные в которых, за единичными исключениями, относящимися ко второй половине XVIII в., приговаривались к смерти¹⁸.

¹⁴ Instrukcja T. Ostrogskiej, 1620–1623 // *Polskie ustawy wiejskie*. — S. 92–94.

¹⁵ Ordynacje kardynała J. Radziwiłła dla mieszczan i chłopów w parafiach Kielce, Łża i Bodzentyn // *Kuraś St. Ordynacje i ustawy wiejskie z archiwów metropolitalnego i kapitulnego w Krakowie, 1451–1689*. — Kraków, 1960. — S. 62–64; klucz Łącki 544 (1670).

¹⁶ Напр.: *Ustawa dla wsi Gumienic, 1679* // *Polskie ustawy wiejskie*. — S. 163; *Ordynacja we wsiach miasta Poznania, 1733* // *Ibidem*. — S. 269; klucz Strzeszycki 3921 (1702).

¹⁷ До конца XVIII в. т. ж. дела о колдовстве, богохульстве и часть дел о нарушении религиозных предписаний были в ведении светских судебных институций, а церковные суды даже не предпринимали попыток перевести их в сферу своей компетенции (Baranowski В. *Sprawy obyczajowe*. — S. 19). И это несмотря на то, что польский сейм еще в 1543 г. передал, например, дела о колдовстве в духовную юрисдикцию.

¹⁸ Правовой основой подобных приговоров являлась статья LXXI сочинения Бартоломея Гроицкого «*Postępek sądów około karania na gardle*»: «В случае, если бы был найден кто, который или с животным, или крестьянин с крестьянином против природе имел связь, такие должны быть смертью наказаны и в соответствии с традицией огнем сожжены, без какого-либо помилования и милости, поскольку этот постыдный и позорный грех должен быть сурово наказан». Цит. по изданию:

В деревенских общинах дела о бытовых и нравственных преступлениях рассматривались главным образом на т. н. ругах (*rug*), в которых участвовали войты, сельская община, избираемые публично присяжные и председатель (или выступающий в качестве главного обвинителя) — руговник; иногда в заседании суда участвовал сам землевладелец или его представитель. При всех региональных особенностях, существовали две основные модели или процедуры руга. Хронологически более ранняя сводилась к тому, что руговник опрашивал всех по очереди, имеет ли кто какие жалобы, хочет ли сообщить что-либо предосудительное о своих соседях и других общинниках, или сам признаться в совершении чего-либо недостойного¹⁹. Судебные книги или лаконично свидетельствуют о существовании подобной практики: «был подробный расспрос руговником о жизни, привычках, делах и поступках всех жителей»²⁰; или предлагают детальное ее описание: «После начала суда... начинают расспрашивать по одному, чтобы каждый, поцеловав Св. Крест и подняв два пальца вверх, сказал по совести своей: как хозяин домом своим управляет; известно ли ему о ком-либо что-либо [предосудительное]: отцу о сыне, а сыну об отце; матери о дочери, а дочери о матери; хозяину о коморнике²¹, а коморнику о хозяине; соседу о соседе;

чтобы теперь каждый перед судом все признал, как кто себя ведет, один о другом ничего не утаивая...»²². Со временем возобладала практика избрания одного-двух (реже — большего числа) руговников, которые предварительно, до судебного заседания, собирали всю необходимую информацию.

Генезис самого руга не ясен: в польской историографии высказывались предположения о том, что этот институт сформировался под немецким влиянием²³. Ю. Рафач находит аналог ругу в церковной практике франков, когда епископ, во время объезда своей епархии, посещал общины и расспрашивал специально избранных и присягнувших ее членов обо всем, в общине происходящем²⁴. На польских землях институт руга получил наибольшее распространение в Малой Польше и особенно на Подкарпатье — в регионе, от которого до нас дошел самый большой массив деревенских судебных книг.

На всех членов общины распространялась обязанность участия в руге: нормативные акты, в том числе и уставы, угрожают штрафом за неучастие²⁵. И угрозы эти не были голословными: в 1634 г. в Касине Большой (№ 3160) с общинника был взыскан штраф в размере 12 гривен; к уплате по 1 гривне были приговорены все домовладельцы деревни Белянка за коллективную неявку на руг в 1720 г.²⁶

Biblioteka dawnych polskich pisarzy-prawników. — Т. 2. — Warszawa, 1954. — S. 153.

¹⁹ Б. Гроицкий в трактате «Porządek sądów» говорит о такой процедуре руга как о том, что давно существует в польской традиции (s. 68).

²⁰ Klucz Łącki 570 (1675).

²¹ Категория безземельных крестьян.

²² Księga Bukawiecka // Rafacz J. Ustrój wsi samorządnej małopolskiej w XVIII wieku. — Lublin, 1922. — S. 230.

²³ Plaza St. Powstanie i rozwój chłopskich sądów wójtowskich w Sądeczyźnie XVI–XVIII w. // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. Prace Prawnicze. — Z. 25. — 1966. — S. 37.

²⁴ Rafacz J. Wpływ duchowieństwa na stosunki prawne wiejskie // Przegląd Powszechny. — Lipiec, 1919. — T. 143–144. — S. 32–33.

²⁵ Напр.: wieś Ptaszkowa 4177 (1756) // Księgi sądowe wiejskie. — Т. 1; Rafacz J. Ustrój wsi. — S. 229.

²⁶ Kres Klimkowski 1188 (1720) // Księga sądowa kresu Klimkowskiego 1600–1762. — Wrocław, 1965.

Привлеченные в данном исследовании материалы судебных книг свидетельствуют о том, что на практике суд сталкивался практически со всеми категориями классифицированных в ту эпоху преступлений в области сексуальной морали. Это единичные внебрачные связи свободных людей, случаи многолетнего сожителства, в котором рождено по несколько детей; прелюбодеяния, когда одна или обе стороны состояли в законном браке; кровосмешение (*incestus*), причем последнее трактовалось значительно шире чем в настоящее время и включало больше категорий лиц²⁷; бигамия в обоих ее вариантах; единичные случаи изнасилований²⁸; содомия, как упоминалось выше, передавалась на рассмотрение в городские суды. Есть, правда, судебные книги деревень (например, Вара и Завада Краковского воеводства), где вообще отсутствуют дела по сексуальным преступлениям. Вряд ли это можно объяснить полным отсутствием внимания к тому, насколько сексуальное поведение общинников соответствовало нормам христианской морали. Известно, что почти все дошедшие до нас деревенские судебные книги являются чистовиками, а при переписывании могла происходить определенная селекция материала. Можно предположить, что существовали и другие — утраченные — книги записей.

Но в целом не только в деревнях, но и в городах приблизительно с середины XVII в. заметен рост числа дел по сексуальным преступлениям и ужесточение наказаний. Эти тенденции были характерны не только для Речи Посполитой: в Стокгольме, например, за отдельные случаи прелюбодеяния вместо традиционного штрафа в XVII в. зачастую суд приговаривает к смерти²⁹. Даже если брать только статистику дел о содомии, то количественный пик этих дел в Кракове, например, приходится на XVIII в.³⁰ На рубеже XVIII–XIX вв. дела о нарушениях норм сексуальной морали совершенно исчезают из практики городских судов в Польше, в то время как в деревнях случаи наказаний за прелюбодеяния встречаются в XIX в. и даже на рубеже XIX–XX вв.³¹

Основанием для обвинения и возбуждения дел по сексуальным преступлениям могли быть свидетельские показания (ситуация, когда один общинник обвиняет другого, апеллируя к тому, что он видел собственными глазами), а также подозрения и циркулировавшие по деревне слухи, основанием для которых могли быть как подозрительное поведение отдельных лиц, так и личная неприязнь или вражда.

Интерес представляют случаи, когда судебное дело предваряется формулировками: «дошло до ушей

²⁷ Łaszewski R. *Wiejskie prawo karne w Polsce XVII i XVIII wieku*. — Toruń, 1988. — S. 122. Подробное древо степеней родства и свойства приводилось у Гроицкого (*Porządek sądów*. — S. 180–181).

²⁸ Уже было подмечено, что многочисленные случаи связей хозяев со служанками, которые рассматривались судом как случаи блуда, вполне могли относиться к категории изнасилований. См.: Staszko M. *Przestępstwa przeciwko kościołowi i religii*. — S. 173, 177.

²⁹ Kamler M. *Kary za przestępstwa pospolite w dużych miastach Polski w drugiej połowie XVII wieku // Kwartalnik historyczny*. — R. 101. — Z. 3. — 1994. — S. 36. См. статистику этого автора по Кракову (с Казимежом), Люблину и Познани за 1550–1650-ые гг.: *Ibidem*. — S. 28–31.

³⁰ Kracik J., Rożek M. *Hultaje, złoczyńcy, wszetecznicze w dawnym Krakowie. O marginesie społecznym XVI–XVIII w.* — Kraków, 1986. — S. 171–172.

³¹ Baranowski B. *O hultajach, wiedźmach i wszetecznicach. Szkice z obyczajów XVII i XVIII w.* — Łódź, 1988. — S. 204–205.

суда»³²; «о нем поговаривали некоторые заслуживающие доверия люди»³³; «как слышно»³⁴. Иногда дело сообщается руговнику человеком, узнавшим об этом со слов третьего лица. Отсылка чаще всего остается анонимной, но иногда источник информации называется: в 1654 г. Петр Калета внес дело о замужней женщине, состоящей в связи со своим слугой. На вопрос суда, откуда ему это известно, Калета признается, что знает со слов матери той самой женщины, о прелюбодеянии которой он суду и сообщает³⁵.

Само по себе подозрительное поведение того или иного общинника может стать поводом для обвинения его / ее в нарушении норм сексуальной морали. М. Сташков предполагает, что суды могли руководствоваться предложенным Б. Гроицким описанием т. н. «признаков прелюбодеяния»; хотя ни в одной из известных польскому исследователю судебных книг нет отсылок на этот фрагмент³⁶.

Опираясь на материал судебных книг, можно выделить следующие моде-

ли поведения, которые в глазах общины и суда выглядели подозрительно и становились основанием для возбуждения дела. Например, частое общение, в том числе в публичных местах и на людях: «друг с другом сходятся, разговаривают или на улице, или в корчме, или еще где...»³⁷. Серьезные подозрения могли возникнуть в результате частых визитов мужчины в дом в замужней женщине: как в присутствии ее мужа (муж сообщает суду, что некто «часто [в доме] бывает, с женой смеется и по углам шутит»³⁸), так, тем более, в его отсутствии (часто к жене захаживает гость с горилкой³⁹; «ночью в дом... тихо вошел и там без света долго находился»⁴⁰). С недоверием суд отнесся, например, к женщине, которая «по ночам с разными людьми ходит и разговаривать любит»; именно ее поведение, по мнению самого же суда, и есть причина того, что на ее счет «рождаются разные мнения и пересуды»⁴¹. Характеристики подозрительного поведения вычленимы и из вопросов, которые задавались во время опроса

32 Kasina Wielka 3414 (1677).

33 Wieś Ptazkowa 4188 (1776); похожая формулировка: kres Klimkowski 1199 (1720).

34 Wieś Iwkowa 284 (1602) // Księga sądowa wsi Iwkowej 1581–1809. — Wrocław, 1969.

35 Wieś Zagorzany 4237 (1654) // Księgi sądowe wiejskie. — Т. 1.

36 Staszków M. Przestępstwa przeciwko kościołowi i religii. — S. 181. «Признаки прелюбодеяния» изложены Гроицким в «Porządek sądów». Текст гласит: «О прелюбодеянии отдаленным признаком есть то, когда говорят, что они рады видеть друг друга, что друг другу нравятся. Более близкий [признак], когда кто к чужой жене ходит в дом в отсутствии мужа. Самый ближайший и верный [признак], когда его с чужой женой на одном ложе застанут» (s. 193); в другом месте более подробно: «Поскольку прелюбодеяния, как правило, в тайне совершаются, так что мужу трудно бывает узнать о прелюбодеи и прелюбодейке, сведущие в праве и это не обошли [вниманием] и описали признаки, по которым это можно узнать. Во-первых, что касается места, чтобы тот, кому это знать надлежит, осмотрел место, где он эту пару застал: в темном или на заметном; на освященном или нет, так как в местах освященных не бывает подозрения в прелюбодеянии. Во-вторых, надо обратить внимание на лицо: родственник или чужой [человек]; светский или лицо духовное, так как на родственника, на священника, на монаха не бывает подозрения в прелюбодеянии. В-третьих, можно узнать по поведению этой подозрительной пары: если обнимаются, целуются, часто разговаривают, улыбаются друг другу» (s. 208).

37 Wieś Zagorzany 4239 (1654). Аналогично: klucz Jazowski 166 (1741) // Księgi sądowe wiejskie klucza Jazowskiego 1663–1808. — Wrocław, 1967.

38 Państwo Suskie 4708 (1728) // Księgi sądowe wiejskie. — Т. 2. — Kraków, 1921.

39 Państwo Suskie 4704 (1725).

40 Kres Klimkowski 1003 (1692).

41 Ibidem.

свидетелям о характере отношений между обвиняемыми: «Не общался ли много, не ходил ли в ее компании в город, ...не спал ли... в избе, где спит хозяйка...»⁴².

Первоначально возбуждение дел о нарушении норм сексуальной морали ничем не обосновывается, и запись в судебной книге дает лишь представление о характере самого преступления. В начале XVIII в. во вступительной формуле появляется религиозная аргументация, которая со временем несколько усложняется. Самая ранняя и наиболее распространенная формулировка, которую используют судебные книги для оценки нарушений норм сексуальной морали — это «нарушение заповеди Божьей»⁴³; в Язовском ключе в последней трети XVIII в. это определение конкретизируется: речь идет о нарушении именно 6-й заповеди⁴⁴. Реже встречаются другие определения: «грех против закона Божьего»⁴⁵; смертный грех⁴⁶; «оскорбление Бога» или «оскорбление Величия Божьего»⁴⁷; грех, который повлечет за собой кару Божью на всю общину⁴⁸.

Обязанность доказать, что преступление действительно имело место, возлагалось на сторону, выдвигавшую обвинение; обвиняемый не должен был каким-либо образом доказывать свою невиновность. Известен единственный

случай очищения от обвинения с помощью присяги, в то время как это часто практиковалось в других ситуациях. Какие последствия могла иметь такая судебная практика? Во-первых, часто осуждались и те, кто свою вину так и не признал. Зато за недоказанное преступление (хотя бы и явное) виновные не карались; хотя в отдельных случаях суд от этого правила отступал. Но наказывался и обвинитель, если он не смог предоставить убедительных для суда доказательств⁴⁹.

Не только в нормативных документах, но и на практике наказания почти всегда носили комбинированный характер: чаще всего телесные наказания сочетались с системой штрафов, пожертвованием воска или свечей на костел и церковным наказанием. Были и некоторые специфические формы наказаний, о которых речь пойдет ниже.

Следует еще раз оговориться, что хотя «правом меча» обладали только городские суды, деревенские могли выносить (но не приводить в исполнение!) смертные приговоры, в частности, по сексуальным преступлениям. В этих случаях они руководствовались, вероятно, нормами «Саксонского Зеркала», хотя прямые отсылки к этому правовому памятнику встречаются лишь в единичных случаях⁵⁰.

⁴² Klucz Jazowski 203 (1748).

⁴³ Kasina Wielka 3517 (1702); wieś Zagorzany 4286 (1776); wieś Krowodrza 4393 (1760) // Księgi sądowe wiejskie. — Т. 1; klucz Jazowski 81 (1723), 179 (1742), 313 (1769), 315 (1771), 336 (1773), 353 (1777), 357 (1778); klucz Łącki 842 (1744).

⁴⁴ Klucz Jazowski 344 (1774).

⁴⁵ Kasina Wielka 3525 (1705). Исследователями подмечено, что в городской судебной практике Польши приблизительно с XVI в. появляется определение любого преступления как нарушение нормы божественного права. См., напр.: Mikołajczyk M. Przepięstwo i kara w prawie miast Polski południowej XVI–XVIII w. — Katowice, 1998. — S. 18–19.

⁴⁶ Wieś Mogiła 3811 (1728) // Księgi sądowe wiejskie. — Т. 1.

⁴⁷ Kres Klimkowski 1199 (1720); klucz Strzeszycki 3979 (1742); klucz Łącki 845 (1744), 868 (1753); klucz Jazowski 213 (1752), 222 (1752).

⁴⁸ Klucz Jazowski 203 (1748).

⁴⁹ Staszów M. Przepięstwa przeciwko kościołowi i religii. — S. 181.

⁵⁰ Напр.: klucz Jazowski 81 (1723), 95 (1732). Хотя в обоих случаях при вынесении смертного приговора есть отсылки на конкретные нормы «Саксонского Зеркала», современным издателям этой судебной

На цій середньовічній гравюрі серед інших недостойних насолод показано сюжет перелюбу

Смертью почти без исключений карались содомия и бигамия. В первом случае, опираясь на Гроицкого, виновного сжигали на костре вместе с животным⁵¹. Лишь в 80–90-ые гг. XVIII в. сожжение на костре живьем в результате вмешательства главным образом представителей духовной власти могло быть заменено на обезглавливание; иногда

смертная казнь заменялась иным наказанием, если виновный признавался, например, душевнобольным⁵². Но случаи содомии, как уже упоминалось, передавались судам городским. Суровое отношение к бигамистам объяснялось тем, что в данном случае речь шла не только о нарушении 6-й заповеди, но и о преступлении против Св. Таинства брака⁵³.

книги не удалось отождествить эти отсылки ни с одним из известных изданий «Зеркала» той эпохи. Но, несмотря на это, нет сомнений, что правовые сочинения Гроицкого и их переработки активно использовались в судебной практике. См., напр., *wieś Iwkowa*: 511 (1703) — решение межевого спора, 778 (1778) — дело о правах наследования внебрачных детей, 821 (1785) — решение имущественного спора — везде присутствуют обширные дословные цитаты из «Зеркала».

⁵¹ См.: Komoniecki A. *Chronografia albo Dziejopis Żywiecki*. — Żywiec, 1987. — S. 249, 448, 569 и др.

⁵² Baranowski B. *O hultajach*. — S. 206–207.

⁵³ Groicki B. *Postępek sądów*. — A. LXXIV. — S. 154. Сводная статистика таких городов, как Краков (с предместьем), Люблин и Познань за 1550–1650 гг. показывает, что городские суды приговаривали за бигамию к смерти женщин в 100 % случаев, мужчин — в 76,9 % (Kamler M. *Kary za przestępstwa*. — S. 28–30).

Отдельные случаи кровосмешения также карались смертью, хотя в соответствии с буквой права они относились к т. н. «смертным делам». Лишь в двух случаях суд вынес смертный приговор: в Касине Большой (3414 (1677)) за связь со свояченицей Матеуш Болисенга приговорен к сожжению; и в Язовском ключе (95 (1732)) кузены за многократную связь, от которой родился ребенок оба приговорены к смерти. Но в первом случае в результате заступничества краковского приора смерть заменена комбинированным наказанием, а во втором (но т. ж. после заступничества духовного лица) виновных не сожгли, а обезглавили. Интересно, что ни разу не была наказана смертью связь между приемными детьми и родителями⁵⁴.

Прелюбодеяния и особенно многократные, по Гроицкому, заслуживали смерти⁵⁵, но на практике это случалось очень редко. Дважды в Язовском ключе выносился смертный приговор: в 1723 г. (№ 81) и 1742 г. (№ 179). Во втором случае суд принял во внимание преклонный возраст виновного и заменил смерть на комбинированное наказание. Но первый случай был отягощен целым рядом дополнительных обвинений. Перед судом предстали Томаш Салетра и Ядвига Чапученка, которые поддерживали связь в течение четырех лет. Мужчина все это время был женат на другой, а женщина сначала была свободной, а потом вышла замуж. Ее суд дополнительно обвинял в искусственном выкидыше, а его — в краже и поджоге. В результате Ядвига была обезглавлена, а Томашу отрубили правую руку, а потом сожгли живьем (т. о. он фактически был наказан по

нормам, надлежащим не за прелюбодеяние, но за кражу и поджог).

Смертный приговор мог быть вынесен и за случаи многократного блуда. Например, в ключе Стшешицком (3928 (1702)) на суд предстала незамужняя женщина, которая растила четверых незаконнорожденных детей и трижды уже осуждалась и наказывалась за свои внебрачные связи. Суд высказал мнение, что она вполне заслуживает смерти. Но данная ситуация интересна тем, что законная жена последнего партнера обвиняемой не обращалась к суду с официальным обвинением, а в таком случае срабатывал правовой принцип: *nemine instigante, reus absolvitur* (когда нет обвинителя, виновный освобождается). Суд на этот принцип и ссылается; хотя обвиняемая и избежала смерти, совсем без наказания она не осталась.

В одном из дел по изнасилованию присутствует косвенный намек на то, что пожилой насильник, якобы, мог за это и жизни лишиться: мать пострадавшей 11-летней девочки заявляет суду, что «не желает пролития его крови», а потому суд назначает комбинированное наказание⁵⁶.

Обобщая материал по смертным приговорам, напрашивается вывод о том, что предписываемые в правовых и нормативных памятниках наказания были гораздо жестче реальной практики. Всего было вынесено 6 смертных приговоров (самый ранний датирован 1677 г.), но лишь 2 из них были приведены в исполнение: оба в Язовском ключе в 1723 и 1732 гг. соответственно. В остальных 4-х случаях в результате заступничества или духовенства, или потерпевшей стороны, или учитывая преклонный

⁵⁴ См., напр.: klucz Strzeszycki 4004 (1742), когда отчим изнасиловал падчерицу, и смягчающим обстоятельством для суда послужило то, что сделал он это без умысла, а в состоянии сильного опьянения.

⁵⁵ Porządek sądów. — S. 205–206.

⁵⁶ Wieś Święciechów 7058 (1681) // Księgi sądowe wiejskie. — Т. 2.

возраст обвиняемого смерть была заменена на комбинированное наказание.

Самым распространенным наказанием было наказание телесное. Одно из ранних упоминаний порки — наказание женщины за прелюбодеяние в деревне Касина Большая (2800 (1602)), когда не определяется ни количество ударов, ни орудие наказания. И вплоть до конца XVIII в. в ряде случаев порка выступает как одно из основных наказаний: в Язовском ключе, например, за кровосмешение в 1778 г. (№ 357) падчерица получила 260 плетей, а отчим — 350. Важно отметить, что на польских землях, отошедших после разделов конца XVIII в. к Австрийской монархии, заметно смягчение телесных наказаний (и не только за сексуальные преступления): или число ударов значительно сокращается и определяется «в соответствии с императорскими патентами» (например, в Язовском ключе приблизительно с 1791 г.), или (что реже) сельские суды совершенно отказываются от порки как разновидности наказания⁵⁷. Вместо телесных наказаний появляется принудительная работа на общественных дорогах; в отдельных случаях — угроза конфискации имущества.

Из 118 дел о нарушении норм сексуальной морали, которые рассматриваются в данном исследовании, только в 25 приговорах нет телесных наказаний. Чаще всего это ситуации, когда обвинение не было доказано; обвиняемые сбежали оба или один из них; обвиняемые поженились (последний случай касается главным образом слуг). Для порки использовали розги, вожжи, метелки и плети, и во всех случаях она осуществлялась публично: об этом свидетельст-

вуют и приговоры, это предписывающие, и записи, свидетельствующие о приведении приговора в исполнение в присутствии суда. Большое число ударов раскладывалось, как правило, на части, и предписывалось за те преступления, за которые по правовым нормам полагалась смертная казнь.

Порка могла принимать и специфические формы. Никогда в судебных книгах не упоминается лицо, исполнявшее это наказание, но есть свидетельства о том, что иногда в этом принимала участие вся община. Например, одно из самых ранних дел в Касине Большой (2800 (1602)). Никаких деталей запись не содержит, речь идет лишь о наказании женщины за прелюбодеяние: все женщины деревни (за исключением жены войта и жен 7 лавников, участвовавших в вынесении приговора) должны были по 3 раза ударить виновную. В той же деревне в 1670 г. (№ 3414) по делу одного из общинников за внебрачную связь был вынесен приговор: чтобы 3 раза «проходил под розгами через строй всей общины». Единственный раз встречается случай, когда замужнюю женщину за прелюбодеяние приговорили к порке «у столба нагой»⁵⁸.

Минимальное число ударов составляло 10–15; в сложных случаях с комбинированным обвинением максимальное число могло достигать 500 и более. Именно столько получил обвиняемый за многократную связь с корчмаркой (сначала замужней, а потом — вдовой). Ее же за эту связь, а также за кровосмешение, присудили к году тюремного заключения, где «каждую неделю в понедельник и пятницу она по 50 ударов розгами [чтобы] получала»⁵⁹. За супружескую

⁵⁷ *Wieś Iwkowa*. Wstęp. — S. 10.

⁵⁸ *Wieś Zagorzany* 4251 (1677).

⁵⁹ *Wieś Krowodrza* 4393 (1760).

неверность, в том числе и отягченную незаконным потомством, суды назначали от 40 до 150 ударов; в Язовском ключе в 1765 г. (№ 268) замужняя женщина получила в общей сложности 350 плетей. В наказаниях за кровосмешение заметна определенная динамика: например, два похожих случая в Стшешицком ключе 1720 г. (№ 3932) и 1742 г. (№ 398), когда обвиняемые состояли в четвертой степени родства и от незаконной связи родился ребенок. В обоих случаях женщины получили по 200 ударов, мужчины — по 100. В Касине Большой (3454 (1692)) к порке приговорены мачеха (70 ударов) и пасынок (50), но в результате заступничества приора они получили только по 30 плетей. Преступление, когда обвиняемые состояли в аналогичной степени родства (только теперь — это падчерица и отчим), рассматривалось в Язовском ключе в 1778 г. (№ 357). Но только теперь женщина получила 350 ударов за три раза, а мужчина — 260 за три раза.

Анализ этих дел, а также общая динамика наказаний за прелюбодеяния позволяет сделать осторожное предположение о том, что на протяжении XVII — первой половины XVIII в. заметно некоторое ужесточение телесных наказаний, пока в конце XVIII в. они не пошли на убыль⁶⁰.

Практика деревенских судов показывает, что зачастую женщин наказывали строже, чем мужчин; об этом отчасти свидетельствуют и приведенные выше случаи кровосмешения⁶¹. И в данном случае речь не идет о сложных случаях, когда приговор отягощался сопутствующими

преступлениями, что и могло бы объяснить диспропорцию в телесных наказаниях мужчин и женщин. Например, если обратиться к судебным материалам Язовского ключа, то это отчасти объяснимо в случаях, если женщина была служанкой, а ее партнер — хозяин дома (213 (1752): служанка получила 80 плетей, хозяин — 50)⁶²; или если женщине назначалась только порка (например, если она бедна), а мужчине — еще и выплата штрафа (315 (1771), 344 (1774)). Но были и ситуации, когда и социальный статус совпадал (оба — слуги), и штраф налагается на обе стороны, но женщине все равно суд предписывает 100 ударов, а ее партнеру — 80 (222 (1753)).

В среднем порка варьировала от 15 до 50 ударов в зависимости от отягчающих или смягчающих обстоятельств. В качестве первых рассматривались: повторный блуд / прелюбодеяние и наличие незаконного потомства. Например, суд креса Климовского в 1702 г. (№ 1162) приговорил Стефана Бреняка к штрафу за связь с бродяжкой; через 5 лет за повторную связь с той же женщиной (которую опять не удалось привлечь к суду) Бреняк помимо штрафа получил и 60 плетей (1177 (1707)). Больше наказание налагалось и на ту сторону, которая признавалась инициатором незаконной связи. В качестве смягчающих обстоятельств суд рассматривал следующие ситуации: обвиняемые поженились⁶³ (выше упоминалось, что в таком случае можно было даже избежать порки); пожилой возраст обвиняемого. Наказание смягчалось и когда за обвиняемого всту-

⁶⁰ Статистика больших городов свидетельствует о том, что тенденции к смягчению наказаний появились там несколько раньше (Mikołajczyk M. O niektórych przestępstwach obyczajowych. — S. 66).

⁶¹ Исключение составляет лишь одно рассмотренное выше дело (klucz Jazowski 357 (1778)).

⁶² Из этого частного наблюдения отнюдь не следует, что сельские суды были склонны наказывать слуг строже, чем хозяев. Тезис этот был высказан Б. Барановским (Sprawy obyczajowe. — S. 67–68), и сразу же опровергнут М. Сташковым (Przestępstwa przeciwko kościołowi i religii. — S. 176–177).

⁶³ Напр.: klucz Łącki 842 (1744).

палось духовенство или представители общины. Единственный раз встречается упоминание о том, что суд назначил замужней женщине за прелюбодеяние всего (!) 60 ударов потому, что муж уже до суда наказал ее своей супружеской властью⁶⁴.

Помимо порки, к телесным наказаниям с определенной степенью условности (постольку, поскольку их функция также состояла в ущемлении достоинства наказуемого) могут быть отнесены: сидение в куна (kuna) и колодки (kioda). Чаще всего упоминается куна, представлявшая собой железный обруч, который крепился к стене костела цепью и одевался на шею наказуемого. Встречаются 3 случая использования куны, и все три — за супружескую неверность. К сидению в обруче приговаривались только мужчины: в Касине Большой на 3 воскресенья (3087 (1626)) и на 3 воскресенья с зажженной свечкой (3088 (1626)), в Загожанах — на 5 воскресений (4249 (1677)). Куна использовалась в качестве наказания не только за сексуальные преступления; судебные книги свидетельствуют о том, что в большинстве деревень было в наличии данное орудие наказания⁶⁵. Единственный раз упоминаются

колодки: мужчина приговорен сидеть в них в течение 3-х воскресений⁶⁶.

Телесные наказания дополнялись системой штрафов в денежной или натуральной форме. Штраф взимался в пользу суда, войта, общины, землевладельца; реже — в пользу костела. На костел (а в Климовском кресе и на церковь) жертвовался воск или свечи. В Язовском ключе известен единственный случай, когда суд присудил отдать в пользу костела корову и железо на крышу (268 (1765)). Примечательно, что все пожертвования в пользу церковных институций налагались исключительно на мужчин.

В 28 случаях из 118 рассматриваемых наказание в качестве своего важного компонента включало и наказание церковное. Ю. Дикер считает, что оно имело подчиненное значение и было лишь дополнительным к наказанию светскому⁶⁷. В Кракове, например, данный вид наказания исчезает в судебной практике уже с конца XVII в., но в небольших городах Малой Польши присутствует на протяжении всего XVIII в.⁶⁸

В деревенской судебной практике церковное наказание зачастую сводилось к тому, что указывалось число месс, на протяжении которых наказуемый должен был лежать в костеле

⁶⁴ Klucz Jazowski 353 (1777).

⁶⁵ Напр.: wieś Iwkowa 407 (1648); klucz Łącki 536 (1663); klucz Lazowski 18 (1678). О широком распространении кун свидетельствуют и акты церковных визитаций, где давалось подробное внутреннее и внешнее описание сакральных сооружений. Были куны и у южного входа в Марицкий костел в Кракове.

⁶⁶ Kasina Wielka 3087 (1626). Судя по тому, как наказывались несексуальные преступления, в деревнях был целый арсенал аналогичных орудий наказаний. Усложненная разновидность колодок (gaśior): голова и руки помещены в отверстия соединенных друг с другом и закрепленных на основах брусьев, в результате чего человек оказывается неподвижным. Судя по всему, это орудие было широко распространено: приор распорядился выставить его в деревне для наказаний в соответствии «с принятым в Короне обычаем» (Kasina Wielka 3472 (1695)). Разновидность клетки (kosz) — размером 5x5 локтей с железными решетками со всех сторон, она использовалась главным образом для наказания женщин; иногда крепилась на стене костела, но могла вешаться над каким-то водоемом. Судебные книги используют выражение «сидеть в коше», хотя фактически женщины в ней стояли (Mikołajczyk M. Przepiętstwo i kara. — S. 224). В деревнях мог встречаться и позорный столб, к которому привязывали во время порки (klucz Łącki 867 (1753); 889 (1773)).

⁶⁷ Dicker J. Pokuta kościelna w prawie wiejskim polskim od XVI do XVIII w. // Pamiętnik Historyczno-Prawny. — 1925. — T. I. — Z. 1. — S. 5.

⁶⁸ Mikołajczyk M. Przepiętstwo i kara. — S. 226–227.

крестом. Число месс могло варьировать от одной за блуд до десяти за кровосмешение⁶⁹. Часто наказание распространялось на весь период Великого Поста⁷⁰, а в приходском костеле Язовска в течение всех Рождественских праздников 1748 г. одновременно крестом лежали три человека (№ 202, 203). Лежали перед главным алтарем, или перед алтарем определенного святого; всю мессу целиком, или во время проповеди предписано было стоять. Реже стояли на коленях перед главным алтарем с раскинутыми руками⁷¹. Это наказание могли отбывать по решению суда как в приходском, так и одновременно в каком-либо другом костеле. В исключительных случаях в костелах лежали закованными в кандалах. Так было, например, в 1677 г. в Касине Большой (№ 3414): смертный приговор за кровосмешение заменяется комбинированным наказанием, в частности, предписанием лежать в кандалах крестом воскресные мессы в течение всего года. Единственный в своем роде приговор был вынесен в Лонцком ключе в 1753 г. (№ 868): Войчех Ситовский в специальном одеянии (кара) должен был в течение мессы совершать «дисципли-

ну» (вероятно, бичевание) в костеле. Дважды встречаются случаи, когда за кровосмешение приговор предусматривает паломничества к местным святыням и чудотворным образам: в Ченстохову и местечко Кобыленки для Яна Зелка⁷², и на местную Кальварию для Станислава Хвасчика и Кунегунды Лысопалевой⁷³.

Тюремные наказания встречаются только в двух случаях: женщина попадает на три дня под замок лишь по подозрению в незаконной связи, а также за непослушание мужу⁷⁴; корчмарка приговорена к году в Краковской тюрьме за комбинированное сексуальное преступление, а один из ее сожителей получил месяц заключения⁷⁵.

За многократные нарушения норм сексуальной морали виновного могла постичь кара изгнания из деревни. Наказание это распространялось только и исключительно на женщин⁷⁶. В анализируемом судебном материале присутствуют 9 таких случаев. В 7 случаях приговор приведен в исполнение⁷⁷, в одном случае в результате заступничества приора женщине был дан испытательный срок два года⁷⁸, а еще в одном случае изгнание осталось лишь угрозой⁷⁹.

⁶⁹ Напр.: Kasina Welka 3454 (1692).

⁷⁰ Kasina Wielka 3510 (1702).

⁷¹ Klucz Strzeszycki 3936 (1720).

⁷² Klucz Strzeszycki 4004 (1742).

⁷³ Klucz Łącki 845 (1744).

⁷⁴ Państwo Suskie 4708 (1728).

⁷⁵ Wieś Krowodrza 4393 (1760).

⁷⁶ Встречается лишь один случай, когда отцу совершившего на дороге изнасилование и сбежавшего из деревни парня суд угрожает изгнанием из деревни, если он не поставит на суд своего сбежавшего сына (kres Klimkowski 1107 (1702)).

⁷⁷ Kasina Wielka: 2800 (1602) — прелюбодеяние; 3370 (1652) — продолжительная внебрачная связь; 3414 (1677) — кровосмешение, здесь изгнание как замена смертной казни; 3555 (1710) — повторный блуд; klucz Strzeszycki: 3928 (1702) — многократный блуд, несколько внебрачных детей; 3932 (1720) — кровосмешение, 4 степень родства; wieś Krowodrza 4393 (1760) — прелюбодеяние и кровосмешение.

⁷⁸ Kasina Wielka 3518 (1703).

⁷⁹ Klucz Strzeszycki 3980 (1742). Б. Барановский считает, что практика изгнания существовала

Анализ ряда судебных дел свидетельствует о некоторой непоследовательности и нелогичности выносимых судом приговоров: вопреки здравому смыслу (и, конечно же, с позиций человека XXI в.) один и тот же суд в одно и то же время выносит по типовым преступлениям разные приговоры. Например, ключ Стшешицкий: в 1719 г. (№ 3955) и 1720 г. (№ 3936) суд рассматривает два похожих дела о связи женатого хозяина со служанкой. И хотя в первом случае преступление носит комбинированный характер, а во втором нет, именно за второе налагается достаточно серьезное церковное наказание. В 1742 г. за незаконную связь слуг в доме на одного из хозяев налагается штраф в размере 1 гривны на костел, другой же вносит по гривне в костел и землевладельцу, а также получает 15 плетей. Или в первом случае более щадящее наказание определяется статусом наказуемого (войт), или у суда были аргументы, оставшиеся за пределами записи в судебной книге.

Из 118 рассматриваемых дел в 44 случаях наказание налагается судом не только на обвиняемых, но и на третье лицо. В качестве такового могли быть: хозяева домов, под крышей которых и совершилось преступление — 23 случая; мужья осужденных жен — 7 случаев; братья — 2; родители — 13; вся община — 1 случай, когда в результате расследования дела о краже на явь вышел факт супружеской неверности («общине, так как не следит за тем, что в

деревне происходит, дать четыре фунта воска на костел»)⁸⁰. В ряде случаев одновременно наказывались хозяева дома и родители или хозяева дома и мужа.

Четыре дела изначально были возбуждены не против лиц, преступление совершивших, но против людей, лишь косвенно к преступлению причастных: так как замеченные в незаконной связи слуги сбежали, то судят хозяина дома и приговаривают к штрафу и 30 плетям⁸¹; отца судят за сына по делу об изнасиловании⁸²; к суду привлекается хозяин дома, потому что в деревне возникло подозрение, что его жена заигрывает со слугой⁸³; брата судят за сестру по делу о внебрачной связи⁸⁴.

Каковы были аргументы суда, когда он накладывал наказания на столь широкий круг лиц? Использованный в данном исследовании материал подтверждает наблюдения, сделанные М. Сташковым⁸⁵. Суд использовал, как правило, две формулировки: за недосмотр и за недонесение суду или власти о совершенном преступлении. Последнее еще и в памятниках европейского средневекового права рассматривалось как форма соучастия в преступлении⁸⁶. За недосмотр отвечал следующий круг лиц: хозяева (оба или один хозяин) дома по отношению к своим слугам; муж по отношению к жене (жена за мужа не наказывалась); родители по отношению к детям (и в этом случае часто суд добавлял формулировку «за плохое воспитание детей»). Когда наказывались за

довольно долго, что отражено и в этнографических, и в художественных произведениях (например, судьба Ягны в романе В. Реймонта «Мужики»). См.: Baranowski B. O hultajach. — S. 202.

⁸⁰ Kres Klimkowski 969 (1688).

⁸¹ Klucz Strzeszycki 3979 (1742).

⁸² Kres Klimkowski 1107 (1702).

⁸³ Klucz Jazowski 32 (1685).

⁸⁴ Klucz Jazowski 274 (1766).

⁸⁵ Przestępstwa przeciwko kościołowi i religii. — S. 178–179.

⁸⁶ Mikołajczyk M. Przestępstwo i kara. — S. 68.

недосмотр, то факт осведомленности судом во внимание не принимался; фактически хозяева, родители и супруги могли ничего не знать о происходящем. За утаивание от суда карались чаще всего соседи и те, кто был призван осуществлять в общине функции контроля (например, десятники, присяжные, а также роговники). Но были и случаи, когда за недонесение наказывались хозяева и даже супруги.

Наказания этих категорий лиц также носили комбинированный характер: штраф, воск, порка (иногда до 100 ударов, но чаще — 15 или 30). В 1610 г. в Касине Большой в трех случаях (№ 2928, 2930, 2932), когда в доме обнаруживали незамужних беременных женщин, хозяев присуждали к уплате штрафа. В Стшещицком ключе (3928 (1702)) хозяин, помимо всего прочего, был приговорен к месячному тюремному наказанию за то, что в его доме проживала служанка, родившая четырех внебрачных детей. Известен единственный случай, когда хозяина выселили с земли (*rugowanie z roli*): он позволил остаться в доме слуге, за связь с которым его супруга уже наказывалась. Но в приговоре вскользь упоминается о том, что он небрежно вел свое хозяйство; а потому не совсем ясно, за что он был лишен земельного надела: за оба преступления сразу или только за второе⁸⁷.

Налагаемые судом наказания выполняли две основные функции: а) репрессивную⁸⁸ — покарать виновного, б) превентивную — предупредить совершение аналогичного преступления как самим наказуемым, так и другими членами общины. Последнему в значительной степени служили публичные формы наказаний (порка, куна, наказания церковные), которые, во-первых, ущемляли достоинство наказуемого, а, во-вторых, призваны были устрашить других потенциальных преступников.

Публичное наказание исчезает из земского права раньше, чем из деревенского; в первом случае оно сохраняется лишь для исключительных, одиозных преступлений. Например, в Литовском праве за убийство родителем своего ребенка⁸⁹. О том, что телесные наказания приводились в исполнение публично свидетельствуют не только единичные (приведенные выше) упоминания о том, как пороли у столба или всей общиной. Большинство приговоров содержит прямое указание суда: «дать... плетей в присутствии суда»⁹⁰; или после текста судебной записки сделана подпись, свидетельствующая о том, что порка действительно была осуществлена публично⁹¹. Столь же очевиден публичный характер церковного наказания⁹² и куны.

⁸⁷ Kasina Wielka 3448 (1689).

⁸⁸ М. Фуко считает, что функция наказания в Европе Нового времени проходит эволюцию «от наказания как искупления содеянного к преимущественно исправительному характеру наказания» (Фуко М. Надзирать и наказывать С. 17). Практика деревенских судов интересующего нас периода свидетельствует о том, что, в отличие от судов городских, задачи перевоспитания преступников они перед собой не ставили. О практике создания домов принудительного труда, нацеленных на исправление и ресоциализацию преступников в XVII–XVIII вв. см.: Bogucka M. Dom pracy przymusowej w Gdańsku w XVII wieku // *Kwartalnik historii i kultury materialnej*. — 1986. — R. 34. — N. 2. S. 265–270; Bogucka M. «Cud» w domu poprawczym w Amsterdamie. *Przyczynek do dziejów dyscyplinowania społeczeństwa u progu ery nowożytnej* // *Trudne stulecia. Studia z dziejów XVII i XVIII wieku*. — Warszawa, 1994. — S. 125–131.

⁸⁹ Dicker J. *Pokuta kościelna*. — S. 1.

⁹⁰ Напр.: Kasina Wielka 3087 (1626), 3088 (1626), 3454 (1692), 3517 (1703), 3555 (1710); kres Klimkowski 1199 (1720); klucz Jazowski 213 (1752), 357 (1778).

⁹¹ Напр.: wieś Siary 7139 (1685) // *Księgi sądowe wiejskie*. — Т. 2; klucz Jazowski 203 (1748).

⁹² Если за нарушение норм сексуальной морали приговаривали просто к лежанию крестом, то,

Предупреждение преступлений путем устрашения (при этом, вероятно, каждый зритель публичного наказания мог рассматриваться как потенциальный в будущем преступник) — достаточно древняя практика. Устав Гневского староства 1676 г. (та его часть, которая посвящена процедуре судопроизводства) заканчивается весьма примечательной в этом отношении моралью: «Oderunt pessare boni virtus amore / Oderunt pessare mali formidine roepae» (добродетельные удерживаются от греха из-за любви к добродетели, порочные удерживаются от греха боязнью наказания) и отсылкой на Послание к римлянам (13:4). Функция устрашения иногда напрямую декларировалась и в судебных приговорах: за комбинированное преступление (прелюбодеяние, кража, поджог) суд постановил отрубить Томашу Салетре правую руку и «эту руку в общественном месте около дороги на шесте прибить для устрашения... злодеев»⁹³; обвиняемый приговаривается к порке «для устрашения других и в качестве наказания»⁹⁴.

Но для предупреждения преступлений деревенские суды использовали и практику превентивных наказаний. Речь идет о ситуациях, когда обвинение не было доказано, но обвиняемые или даже третьи лица наказывались для того, чтобы предотвратить саму возможность совершения подобного преступления. Например, некий Томаш Томашак сообщает суду Язовского ключа (166 (1741)) о

незаконной связи Мартина Крупа и Кунегунды Сулярки, которой, якобы, он был свидетелем. В ходе дознания выясняется, что обвинитель сначала шантажировал Крупа и обещал не разглашать увиденное при условии, если получит в дар овцу. К концу дознания Томашак взял назад свое обвинение, заявив суду, что обвиняемые только «разговаривали друг с другом». И, тем не менее, суд выносит приговор: «Мартину Крупе, чтобы с чужими женами по кустам не разговаривал, дать в костел 6 фунтов воска, три гривны двору и в общинный сундук 1 гривну; Кунегунде Сулярке, чтобы в разговоры... по кустам не пускалась... 30 ударов розог». В Касине Большой (3567 (1714)) в доме поселился мужчина, который до этого наказывался за внебрачную связь от которой родился ребенок. И хотя у суда нет никаких оснований подозревать его в связи с хозяйкой дома, хозяину назначают 40 ударов, чтобы предупредить возможный дурной поступок. Мужей подозрительно себя ведущих женщин могли наказывать штрафом, чтобы они впредь держали их в послушании и воспрепятствовали самой возможности неблагоприятного поведения⁹⁵.

На основе религиозной аргументации, к которой прибегает суд при обосновании вынесенного приговора, можно сделать предположение, что наказание выполняло и определенные религиозные функции. Если быть более точным, то отдельные виды наказаний могли выпол-

например, уличенный в краже должен был стоять на коленях, держа в руках предмет, символизирующий украденное; поджигатель держал факел и т. п.

⁹³ Klucz Jazowski 81 (1723).

⁹⁴ Klucz Jazowski 376 (1787). Не только за сексуальные, но и за другие преступления назначались наказания с расчетом на то, чтобы и преступнику, и другим общинникам впредь было неповадно из совершать. Например, вору назначены 30 ударов, «которые получены для предостережения в будущем и для исправления» (klucz Jazowski 291 (1768)); за самовольную рубку леса виновный приговорен к штрафу и к 30 плетям «для предостережения других» (klucz Jazowski 347 (1775)); мельник обвиняется в краже картофеля, и хотя стороны помирились и, соответственно, истец свои обвинения снял, суд приговорил мельника к двум дням работ на общественной дороге «для примера другим» (klucz Jazowski 627 (1807)).

⁹⁵ Kres Klimkowski 1003 (1692); klucz Jazowski 272 (1766).

нять подобные функции. Например, в той части приговора, где предписывалось внесение воска в костел или детализировалось церковное наказание, почти всегда присутствует формулировка: «для умилоствления Величия Божьего». Реже о наказании говорится как о том, что способно «умолить Бога разгневанного»⁹⁶, или является «выплатой долга справедливости Божьей»⁹⁷. Иногда наказание называется формой покаяния.

В приговорах по делам о кровосмешении наказание выполняет своеобразную охранительную функцию: ведь за подобные преступления гнев Божий может пасть не только на виновных, но и на всю общину⁹⁸. Приведем примеры наиболее типичных объяснений суда при вынесении приговоров по этим делам: чтобы предотвратить «неблагословение в доме и в деревне, от этих [грехов] происходящее»⁹⁹; «в результате [греха] могло эту деревню постичь наказание от Господа Бога... неурожай, наводнения, пожары»¹⁰⁰; «за который [грех] содомский Господь Бог Всемогущий города и провинции серным огнем и другими напастями жестоко карал» и далее, со ссылкой на 16 книгу пророка Иезекииля: «из-за одного прелюбодеяния Господь Бог сурово покарал, и убито было 63 тысячи; таких же людей (т. е. содомитов — *М. К.*) в Ветхом Завете голодом наказывали и камнями забивали»¹⁰¹.

Единственный раз наказание земное рассматривается как своего рода альтернатива, гарантия того, что наказанный не будет страдать за свое преступление в жизни будущей¹⁰².

* * *

Укрепление нравственных устоев локальных общин, в том числе и в сфере сексуальных отношений, было составляющей частью более широких процессов социального дисциплинирования, которые охватили протестантские и католические общества в XVII–XVIII вв. Не только кодификаторы права стали больше внимания уделять соблюдению норм сексуальной морали; в этот процесс активно включаются различные светские и церковные институты. Наказание любых форм сексуальных девиаций, всего, что выходит за рамки предписываемого христианской моралью поведения в сфере сексуальных отношений, становится не только целью самой по себе: это должно было послужить укреплению института брака, поскольку законные отношения между мужчиной и женщиной мыслились возможными только в освященном Церковью союзе.

В содержательном отношении в посттридентском католицизме (в отличие от протестантизма, отказавшегося от целибата и легализовавшего разводы) ни в концепции брака, ни в нормах сексуаль-

⁹⁶ Klucz Strzeszycki 3928 (1702).

⁹⁷ Klucz Strzeszycki 3979 (1742), 3986 (1742).

⁹⁸ Исследователи подметили, что мотив: за преступление одного человека Бог наказывает и всю общину, в городских судебных актах Малой Польши встречается несравнимо реже, чем в материалах деревенских судов (Mikołajczyk M. *Przestępstwo i kara*. — S. 134).

⁹⁹ Klucz Łącki 844 (1744); похожая формулировка: klucz Strzeszycki 3921 (1702).

¹⁰⁰ Klucz Łącki 845 (1744).

¹⁰¹ Klucz Jazowski 95 (1732). Здесь встречается редкая для деревенских судебных книг ссылка на книгу Ветхого Завета, в то время как суды городские, рассматривая сексуальные преступления, помимо норм магдебургского права, очень часто апеллировали к нормам Декалога, Пятикнижию и Новому Завету (главным образом Мф. 5:28; 1 Кор. 6:15–19). См. подробнее: Riabinin J. *Prawo małżeńskie wedle praktyki miejskiej lubelskiej w XVII wieku // Pamiętnik Historyczno-Prawny*. 1933–1935. — Т. XII. — З. 4. — S. 14–15.

¹⁰² Klucz Strzeszycki 3995 (1742).

ной морали никаких перемен не произошло. В оценке брака сохранился дуализм, присущий еще средневековой теологии, рассматривавшей брак одновременно как одно из семи главных таинств Церкви и как своеобразное лекарство от похоти. Но при том, что норма стала прежней, происходит усиление контроля за ее соблюдением, а также все более разнообразными становятся механизмы этого контроля¹⁰³. Светская и церковная власти объединяют свои усилия в этом процессе дисциплинирования общества и реализуют их по трем основным направлениям. Во-первых, происходит ограничение легальных возможностей для нарушений в области сексуальных отношений в результате борьбы с борделями, публичными домами и проституцией, танцами и народными праздниками. Во-вторых, усиливается вмешательство в семейную и сексуальную сферы жизни человека (суды, например, рассматривают дела о семейных ссорах, о необоснованной сепарации супругов, о неуважительном отношении детей к родителям и т. п.). В католических регионах резко возрастает участие Церкви и духовенства в процессе подготовки и заключения брака: для этого уже обязательно согласие родителей, а помолвка осуществляется в присутствии священника, который фактически занимает опустевшее место отца невесты в традиционном обряде обручения; вводится обязательная

подготовка жениха и невесты под руководством приходского священника к принятию таинства брака. В-третьих, используется целый арсенал репрессивных методов, нацеленных на то, чтобы принудить к выполнению предписываемых норм¹⁰⁴. Проведенное исследование и призвано было показать, как эти репрессивные механизмы работали на примере деревенских общин XVII–XVIII вв.

В качестве заключительных замечаний хотелось бы задаться вопросом, насколько эффективным было такое репрессивное дисциплинирование и каковы были его социальные последствия, в том числе и для института брака. Можно предположить, что в условиях распада старых и формирования новых форм социальных связей в Европе раннего Нового времени суровые наказания за различные формы сексуальных преступлений объективно способствовали укреплению семьи. В виде осторожной гипотезы можно допустить, что в определенном смысле улучшалось положение той категории женщин, у которой был внебрачный ребенок: если его отец не изъявлял желания жениться, то женщина получала материальную компенсацию в денежной или натуральной форме (корова, зерно и т. п.) на содержание ребенка¹⁰⁵. Интересно, что дважды¹⁰⁶ женщинам присуждались «алименты» несмотря на то, что у них были мужья.

¹⁰³ Историография единодушна в том, что при всех региональных особенностях, механизмы контроля за соблюдением норм сексуальной морали в католических и протестантских сообществах ничем принципиальным не отличались. Хотя разные конфессиональные сообщества и создавали свои специфические институты, эти функции контроля осуществлявшие. Например, т. н. «брачные суды» у лютеран (Po-Chia Hsia R. *Social Discipline in the Reformation: Central Europe, 1550–1750*. — London; New York, 1989. — P. 123; Roper L. *Oedipus and the Devil: Witchcraft, Sexuality and Religion in Early Modern Europe*. — London, 1994. — P. 56).

¹⁰⁴ Harrington J. F. *Reordering Marriage and Society in Reformation Germany*. — Cambridge, 1995. — P. 216–217.

¹⁰⁵ См.: Kasina Wielka 3425 (1682), 3490 (1698); klucz Strzeszycki 3988 (1742); wieś Zagorzany 4260 (1749); wieś Tryńcza 4991 (1681) // *Księgi sądowe wiejskie*. — Т. 2; kres Klimkowski 1085 (1697), 1096 (1697); klucz Łącki 868 (1753); klucz Jazowski 179 (1742), 222 (1753), 344 (1774).

¹⁰⁶ Kasina Wielka 3567 (1714) и kres Klimkowski 1087 (1697).

Исследователи протестантского опыта реформирования сексуальной жизни и семьи утверждают, что на ранних стадиях эффект всех этих дисциплинарных усилий был минималь-

ным¹⁰⁷. Вероятно, ответы на поставленный вопрос следует искать не в реалиях XVII и XVIII вв., а в том, как выглядел институт брака в Европе XIX в.

¹⁰⁷Harrington J. F. Reordering Marriage and Society. — P. 213.